

АНАТОЛИЙ АГЕЕВ

МЁРТВЫЕ БОГИ

РОМАН

Анатолий Агеев

Мертвые боги

<https://litres.ru/74659412>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сначала тебе сообщают, что ты умер. Потом — что твои боги умерли раньше тебя.

Остаются костёр, незнакомые люди вокруг и свет вдалеке, куда уводят тех, чьё имя назвали. Обратно оттуда не приходят. Когда позовут тебя, не знает никто.

У огня каждый торопится рассказать свою жизнь так, чтобы его наконец выслушали. И каждый рано или поздно начинает рассказывать чужую.

Это роман о том, что мы говорим о себе, когда оправдываться уже поздно. И о том, что остаётся от человека, когда не осталось ничего, во что он верил.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	65
Часть вторая	74
Глава 9	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анатолий Агеев

Мертвые боги

Часть первая

Вода

Глава 1

Кто последний

О том, что он умер, Квинту сообщил человек, которому он сел на ногу.

Сам Квинт к тому времени пришёл к выводу куда более простому: его ограбили. Сумки не было, пояс опустел, а вокруг сидели незнакомые люди, и каждый вполне мог иметь отношение к пропаже. Особенно подозрителен был сосед справа. Он смотрел на Квинта с тем вежливым раздражением, с каким смотрят на человека, уже доставившего неприятность и ещё не понявшего, какую именно.

— Ты бы привстал, — попросил сосед. — Деньги твои искать не стану, а нога под тобой моя. Её я, с твоего позволения, заберу.

Квинт приподнялся, и человек вытащил ступню. Рядом горел костёр, маленький и плохо сложенный: пламя тянулось в одну сторону, а дым шёл прямо на сидящих. Под спиной был холодный камень. Квинт ощупал затылок, шею, грудь, нашёл всё на привычных местах и спросил, где они.

— Здесь ждут, — ответил сосед. — Чего — тебе лучше объяснит тот, кого ждём. Я Хори. И пока ты снова не начал вставать и садиться на людей, скажу сразу: мы умерли.

При жизни Квинт имел дело с купцами, сборщиками, пе-

ревозчиками и людьми, называвшими себя друзьями купцов, сборщиков и перевозчиков. Он знал: самое неприятное условие всегда сообщают в конце, когда с остальными ты уже согласился. Поэтому слова соседа показались ему прежде всего неумелой попыткой торговаться. Он хотел возразить — и вспомнил дверь своей комнаты, светлую полосу под ней и голос женщины, говорившей с кем-то снаружи. Он ждал, что дверь откроется. Воспоминание обрывалось ровно перед этим.

Квинт поднёс ладонь ко рту. Дыхание грело кожу. Под пальцами на шее бился пульс.

— Я лежал дома, — сказал он. — Кто-то должен был меня принести. Ты видел, как я тут оказался?

— Не видел. Я очнулся, а у огня уже сидишь ты. Римлянин с лицом человека, которого обокрали.

— Откуда ты знаешь, что я римлянин?

— По одежде. Предположил и рад, что угадал. Из всего, что я сказал, ты выбрал единственное, что ещё можно проверить. Понимаю. Я сам сначала долго искал сандалию. Нашёл, обрадовался и только потом сообразил, что остальных вопросов это не решает.

На вид Хори было лет пятьдесят. Хорошая ткань, бритое лицо, руки человека, привыкшего указывать другим, где работать. Теперь руки были грязные. Ноготь на большом пальце правой руки расщепился, и Хори то и дело его разглядывал: эта мелкая неприятность, в отличие от общего положе-

ния дел, ещё позволяла что-то предпринять.

По ту сторону костра сидел огромный светловолосый мужчина. Рядом с ним пустовало место, но всякий раз, когда кто-нибудь из проходивших смотрел на него с надеждой, великан расправлял край одежды и говорил, что занято. Слева от него женщина возилась с мокрой тканью. У каменного выступа устроились ещё двое: сухонький старик раскладывал камешки, худой человек спал, обхватив себя за локти. Иначе говоря, здесь уже успели появиться тот, кто охраняет, та, кто тревожится, тот, кто ведёт учёт, и тот, кому всё это не нужно. Последнее Квинт пока объяснял сном.

За их огнём горели другие. Между ними двигались люди, но ни расстояния, ни размеров толпы определить было нельзя. Над головой не было звёзд. Под ногами тянулся неровный камень, в трещинах стояла вода. Ни домов, ни деревьев, ни края этой стоянки. Квинт запомнил два ориентира — плоский камень за спиной Хори и широкую чёрную трещину по другую сторону огня, — на случай, если придётся возвращаться. Потом спросил, пытался ли кто-нибудь уйти.

— Я ходила, — ответила женщина. — До тех огней. Там тоже ждут. Если пойдёшь дальше, спрашивай про двоих мальчиков. Они похожи. Мои сыновья.

Её звали Нары. Назвалась она не для знакомства — просто чтобы Квинт знал, к кому вести детей, если найдёт. Он хотел спросить имена, но старик с камнями опередил:

— Просьбу я уже отметил. И два твоих ухода тоже.

— Я ищу сыновей, а не свои уходы, — сказала Нари и поднялась. — Я ненадолго, Эйрик. До соседей и обратно.

Светловолосый тоже начал вставать. Она остановила его: в прошлый раз он помогал так усердно, что у каждого ко-стра сначала расспрашивали его, и пока он объяснял, чего она хочет, она успевала спросить сама. Эйрик не обиделся — или сделал вид. Напомнил о трещине и остался сторожить пустое место.

Квинт проводил Нари взглядом. Ему тоже хотелось встать и куда-нибудь пойти, но уйти от единственного знакомого огня казалось опаснее, чем сидеть среди мёртвых. Он повернулся к старику и спросил, кто поручил ему вести учёт.

— Никто. Люди начали забывать, вот я и взялся, — ответил старик. — Меня зовут Энна. Придёт Павел — все заговарят разом, потом его позовут, а когда вернётся, каждый клянётся, что спрашивал первым. Ты ведь ещё не спрашивал?

Квинт не успел ответить, а Энна уже подобрал для него камешек. Удобство этого порядка заключалось в том, что просьба появлялась быстрее, чем можно было выяснить, есть ли она вообще. Спорить о камне Квинт не стал. Его занимало другое: все здесь понимали друг друга.

— Где ты выучил мой язык? — спросил он Хори.

— Твой? Я хотел спросить тебя о том же.

Выяснилось, что они никогда не бывали в одних краях: Хори не узнал даже названий, которые, по убеждению Квин-

та, знал всякий египтянин. И всё же речь соседа доходила до него без малейшего труда. Квинт попробовал вслушаться не в смысл, а в звуки — и не смог. Слова появлялись внутри уже понятными.

— Это здесь у всех, — сказал Хори. — Сначала кажется удобством. Потом выясняется, сколько лишнего ты узнал бы о людях, если бы при жизни понимал каждого.

Нари вернулась с тем, кто прежде спал. Квинт не заметил, когда он ушёл за ней. Теперь человек показывал ей сухое место у трещины и ждал, пока она перенесёт ногу. Нарі поблагодарила и попросила впредь не ходить за ней без спроса.

— Хорошо, — спокойно сказал он. — Я Тупа. Водил людей через горы. По привычке смотрю, кто куда наступает.

— Ты был проводником до самой смерти? — спросил Квинт.

Тупа покрутил завязку на одежде.

— Однажды я вёл девочку, — сказал он, и больше ничего.

Хори ждал продолжения. Нарі опустила глаза. Квинт впервые почувствовал: у каждого, кто сидит у этого огня, есть место в рассказе, дальше которого без приглашения лучше не ходить.

Тут появился Павел.

Он нёс сосуд с водой, придерживая его плечом, и чашу, которую Энна немедленно попытался у него забрать. Павел поставил всё сам и попросил не загораживать проход: за ним шли люди. Нарі поднялась раньше всех.

— Я хочу назвать тебе сыновей. В прошлый раз ты ушёл, когда я только начала.

Павел попросил повторить. От соседнего костра тут же выкрикнули его имя, и он поднял ладонь: слышу. Квинт знал этот жест. Так человек обещает успеть в два места сразу, надеясь, что в одном за это время в нём перестанут нуждаться.

Квинт вмешался, понимая, что отнимает у женщины разговор. Но если им в самом деле предстояло ждать после собственной смерти, сначала следовало узнать, кто устроил ожидание.

— Скажи хотя бы, где мы. Он говорит, что мы умерли. Ты здесь распоряжаешься?

Павел посмотрел на него, как смотрят на новенького, которого успели усадить, но забыли объяснить зачем.

— Я помогаю дожждаться вызова. Меня зовут Павел, я апостол. Вы умерли и находитесь перед судом. Когда назовут твоё имя, тебя проводят к воротам. Видишь свет между двумя полосами?

Среди дальних огней действительно стояли две ровные светлые полосы. Между ними двигались тени.

— А обратно оттуда приходят? — спросил Квинт.

— Провожатые возвращаются. Те, кого позвали, — нет.

— Когда меня позовут?

— Не знаю. Может быть, сейчас. Может быть, не скоро.

Пока не позвали — сиди здесь.

Квинт сел, хотя собирался продолжать спор стоя. В памя-

ти всё ещё стояла дверь его дома. Теперь он понял, что открывать её никто не собирается.

— А мои боги? — спросил Хори.

Он всю жизнь готовился к определённой посмертной участи: соблюдал положенное, платил кому следует и не видел причин менять порядок только оттого, что оказался у чужого костра. Эйрик перестал греть руки. Энна замер с камешком в поднятой ладони.

— Тех богов, которых вы ждёте, больше нет, — сказал Павел. — На земле не осталось живых, которые бы к ним обращались. Вместе с последним, кто в них верил, умерли и те, к кому он обращался.

Хори хотел возразить, но сперва перечислил несколько имён. Произносил их негромко, словно проверял, осталось ли хоть что-нибудь от названного.

— Но я ещё помню, — сказал он.

— Я говорил о живых, — ответил Павел.

Никто не заговорил. У соседнего костра засмеялись, и этот смех неожиданно разозлил Квинта: здесь только что отняли всё, ради чего люди готовились умирать, а рядом кому-то было смешно. Он потребовал, чтобы апостол объяснил свои правила. Больше спрашивать было не у кого.

Павел зачерпнул чашей воды и подошёл.

— Наклони голову. Так ты поймёшь быстрее.

Квинт решил, что это местный обычай. Он ещё не знал, как много можно сделать с человеком, прежде чем тот отли-

чит объяснение обычая от согласия в нём участвовать.

Римлянин наклонился.

Глава 2

Теперь понятно

Вода потекла по шее. Квинт пожал плечами, собираясь объяснить, что мокрый ворот разговору не поможет, но Павел уже произносил слова. На последнем Квинт перестал чувствовать под собой камень. Пальцы вцепились в край; он слышал, как ноготь скребёт по неровности, и не мог разжать руку. В голове не было ни голоса, ни картин. Он просто знал историю, которой мгновение назад для него не существовало, — знал так же, как собственный дом и имя отца.

Теперь ему было известно, кто такой Христос, что с Ним случилось, почему Павел говорит от Его имени и чего ждут от тех, кого Павел зовёт братьями. Это знание не требовало доказательств. В нём уже лежали и вопросы, которые следовало задать, и ответы, объяснявшие, почему вопрос задан неправильно. Квинт мог спорить. Но спорить предстояло на языке, который ему только что вложили в голову без спроса.

Он поднял голову. Костёр был на месте. Хори по-прежнему ощупывал языком зуб, Энна убирал от воды свои камни, где-то за спиной звали апостола. Мир не стал торжественнее, хотя то, что случилось у Квинта внутри, этого заслуживало. Даже мокрый ворот лип к шее совершенно обыкновенно.

— Ты меня крестил, — сказал Квинт. Слово было новым

и уже привычным. — Я просил объяснить, а ты сделал со мной что-то другое.

— Теперь объяснять будет легче, — ответил Павел.

Он уже стоял перед Нарй, собиравшейся снова заговорить о сыновьях, и коснулся её головы мокрой рукой. Женщина замерла; пальцы на ткани медленно разжались. Квинт шагнул к ней, но Эйрик вытянул руку поперёк прохода.

— Дай ему закончить. Он всем делает одинаково. Потом спросишь, если что останется непонятным.

Квинт хотел сказать, что одинаково ещё не значит правильно, но Павел уже подошёл к северянину, и тот сам склонил голову. Вода коснулась кожи. Эйрик резко вдохнул и устоял перед собой так, будто увидел человека, которого давно считал мёртвым. Квинт ощутил постыдное облегчение: по крайней мере, доказывать, что случилось нечто большее, чем несколько капель за шиворот, придётся не ему одному.

Энна приготовился заранее: поправил одежду, освободил место для сосуда и наклонился, как человек, желающий исполнить требование без лишних напоминаний. Тупа, напротив, не шелохнулся. Когда всё кончилось, он продолжал смотреть в огонь и только вдавливал большие пальцы в ладони. Квинт видел, как белеет кожа, и не решился его окликнуть.

— Не лей на хорошую ткань, — попросил Хори.

— Наклонись ниже, — велел Павел.

Хори послушался и всё равно получил воду за ворот. Некоторое время он смотрел на чашу с уважением, которого прежде не испытывал ни к ней, ни к её содержимому.

— А я столько потратил на учителей, — сказал он. — И каждый брал деньги прежде, чем выяснялось, чему он намерен меня научить. Надо было просто найти того, кто умеет правильно поливать.

Шутка осталась без ответа. Рядом с собственной жизнью у каждого теперь лежало новое представление о том, как её следовало прожить. Хуже всего было то, что исправлять предлагалось уже законченное. При жизни перемену хотя бы можно было отложить до свободного дня, лишних денег, подходящих обстоятельств. Здесь подходящие обстоятельства, судя по всему, наконец наступили. А жизнь, ради которой ими следовало воспользоваться, кончилась.

Квинт встал у Павла на пути. Он уже понял: пока апостол рядом, ему задают вопросы, но стоит ему отойти на несколько шагов, и вопросы превращаются в просьбы, которые кто-нибудь обещает передать.

— Я не давал тебе согласия. Я хотел услышать твои доводы и сам решить, что с ними делать. Теперь твои доводы сидят у меня в голове. Можешь забрать их обратно?

Павел посмотрел на него с усталостью человека, которого просят переделать сделанную работу.

— Я не могу вернуть вам незнание. Но знание не заставляет тебя соглашаться, Квинт. Ты по-прежнему можешь воз-

ражать.

— Тебе легко говорить. Ты знаешь, чем именно я теперь возражаю. А я ещё минуту назад этого не знал.

Апостола позвали. Он повернул голову и почти сразу снова посмотрел на Квинта: видимо, понял, что уходить сейчас особенно неудачно. Хори воспользовался заминкой.

— Мне, признаться, нравится, — сообщил он. — Выходит, кормить голодных, одевать раздетых и помогать чужим детям было правильно. Я этим занимался довольно долго и надеялся, что отсутствие нужного названия не повредит результату.

— А тем, кого ты кормил, приходилось столько же слушать о твоей щедрости? — спросила Нари.

— Еда от разговоров хуже не становилась.

Нари посмотрела на него и отвернулась к Павлу.

— Теперь я знаю то, о чём вовсе не спрашивала. А ты до сих пор не знаешь, как зовут моих сыновей. Начнём с этого.

Павел сел, и Нари назвала Ика и Балама. Она произносила имена медленно, по звукам, словно от того, насколько чётко они прозвучат, зависело, вернутся ли дети. Эйрик попробовал повторить и ошибся. Она поправила. Он повторил ещё раз. На третьем круге северянин уже злился на собственный язык, зато запомнил оба имени.

Квинт слушал и обнаружил, что новое знание мешает запоминать простое. Стоило взглянуть на Хори, и внутри всплывало слово, которым теперь полагалось называть его

прежних богов. Квинт не хотел произносить это слово при человеке, только что перечислявшем их имена, и от этого оно звучало в нём всё отчётливее.

Хори произнёс его сам:

— Идолы. Вот как теперь положено. Нарі, не смотри так, я не о твоих мальчиках. Я о своих. Павел дал нам не только своего Бога, но и новые имена для всего, что мы знали до него.

Павел растирал палец у ногтя. Там была трещина, и мокрая кожа, видимо, болела.

— Я не умею отделить одну часть своей веры от другой, — сказал он. — Это то, что я знаю, чему учу и на что надеюсь. Другого знания у меня нет.

— Поэтому и надо было сначала спросить, — сказал Квинт.

Павел не стал возражать.

— Я вас слышу. И вернусь к этому разговору.

Квинт не понял, обещание это или просто ещё одно незавершенное дело. Соседние огни продолжали звать, и апостол уже смотрел туда, где ждали воды.

Нарі ещё раз повторила имена сыновей. Павел произнёс их правильно и сказал, что передаст тому, кто ходит между кострами и помогает искать близких. Энна взял было два камешка, но Нарі велела оставить один: детей она ищет вместе. Хори налил ей воды. На этот раз вода ничего не сообщала и годилась только на то, чтобы смочить рот.

Павел поднялся.

— Если кто-нибудь уйдёт от огня, предупредите меня. Иначе провожатый не найдёт того, кого позвали.

Энна уже собирался повторить распоряжение погромче, но Квинт удержал апостола за край рукава.

— Я убил двоих, — сказал он. — Теперь у меня внутри заповедь, о которой я прежде не слышал, а те двое лежат на дороге, где тебя не было. Что мне с этим делать?

Эйрик перестал тереть ладони. Хори поставил сосуд, Нари подняла глаза. Слова об убийстве собрали их внимание быстрее, чем слова о смерти: смерть уже случилась со всеми, а убийство ещё позволяло выяснить, кто на чьей стороне.

— Расскажи, — попросил Павел.

— На дороге напали. Мне пришлось защищаться. Со мной был молодой помощник, и он остался жив только потому, что я не стал ждать ничьего разрешения.

— По трём фразам я не могу судить о случившемся.

— Тогда выслушай больше трёх. Я для этого тебя и держу.

От соседнего огня закричали иначе — там просили помочь поднять человека. Павел высвободил рукав.

— Я вернусь. Расскажи пока остальным, потом продолжим.

Он ушёл прежде, чем Квинт успел спросить, сколько времени означает это «потом».

У Квинта осталось нелепое чувство: он признался в убийстве, а ему предложили посидеть. Павел ушёл, так и не узнав,

что случилось на дороге. Значит, надо было добиться разговора до того, как назовут его имя. Узнать, дадут ли ему рассказать самому — или только подтвердить чужие слова о том, что он убийца. Квинт оглянулся на просвет между огнями, запоминая, куда ушёл апостол. Хори подвинул чашу к его колену.

— Выпей, пока есть вода.

Квинт потянулся к чаше — и вместо её края увидел маленькие руки, прижатые к животу.

Он сидел под белой полкой. Пахло известью, молоком и прелой подстилкой. У стены лежала кошка с котятами; Квинт знал, что трогать их нельзя, и так же твёрдо знал, что уже трогал. На полу валялись черепки. Женщина держала глиняную ручку разбитого кувшина, и он ждал удара с той беспомощностью, какой взрослый не испытывает даже перед тем, кто сильнее. Прятаться дальше было некуда. Стена уже упиралась в спину.

Его мать никогда не держала кошек.

Эта мысль вернула огонь, голоса и чашу. Квинт отшатнулся и ударился затылком о плечо Хори. Тот выругался, едва не расплескав воду.

— Что случилось? — спросила Нари.

Квинт посмотрел на свои руки — взрослые, с тёмными складками на костяшках. Страх в нём оставался детским и оттого был ещё страшнее.

Он смог назвать только белую полку и кувшин. Хори пе-

рестал сердиться.

— Ты не задремал?

Квинт покачал головой и схватил его за запястье: у женщины из видения был расщеплён ноготь на том же пальце. Он повернул руку египтянина к свету, но Хори вырвался.

— Свой ноготь я сломал сам. Не хватай меня, Квинт. Сначала скажи, чего ты испугался.

Лица матери Квинт вспомнить не мог: его заслоняла чужая рука с обломком кувшина. Он выпил воды и заговорил о дороге, о Сексте, о двух убитых. Торопился — пока своё не смешалось с чужим.

Глава 3

Две пряжки

Секст служил у Квинта несколько лет. Сначала мальчишку посылали с мелкими поручениями; теперь без него Квинт путал дни отъезда и забывал, кому уже заплатил. В то утро Секст стоял у прилавка и выбирал себе пряжку.

Подарок предложил Квинт. Затея была его, и он рассчитывал, что удовольствия хватит обоим: мальчишка порадуетя вещи, а даритель — тому, как ловко он умеет обращаться с людьми. Но выбор затянулся. Одна пряжка была простая и крепкая, другая блестела так, что хотелось именно её. Секст прикладывал обе к поясу, подносил к свету, отходил от прилавка, будто издали решение станет яснее, и возвращался.

Квинт предложил взять ту, что нравится. Помощник показал тонкий край красивой: сломается — и подарок придётся прятать, чтобы не огорчать дарителя. Квинт посоветовал крепкую. Секст посмотрел на него с отчаянием, словно все взрослые сговорились делать жизнь разумной именно там, где она впервые собралась доставить удовольствие.

Пришлось покупать обе. Торговец назвал цену, подходящую скорее для начала долгой дружбы, чем для короткой покупки. Квинт поторговался, нашёл заусенец на внутренней

стороне крепкой пряжки и доказал, что такая работа не даёт хозяину права ценить знакомство с покупателем столь высоко. Секст получил обе вещи, немедленно захотел заплатить за одну и тем самым едва не испортил всё, ради чего затевалась покупка.

— За подарки не платят, — объяснил Квинт. — Иначе я опять буду тебе должен хорошее отношение. Придётся купить ещё что-нибудь, а ты до вечера будешь выбирать.

Мальчишка засмеялся. Шутка была средней, смех — превосходным. Квинт остался доволен расходом. Они шли между рядами; женщина мыла зелень, а её ребёнок пытался утащить из таза самый большой лист. Мать отгоняла его мокрым локтем, не прерывая работы. Через несколько шагов Квинт оглянулся: ребёнок уже подкрадывался снова. Утро было устроено правильно.

На постоялом дворе потребовали доплатить за корм для мула. Секст возмутился: вечером он отдал деньги за всё сразу и нарочно переспросил, не понадобится ли ещё. Хозяин ответил, что «за всё» каждый понимает по-своему, и позвал девушку с ведром. Та объяснила: речь шла о стойле, еду в его цену никто включать не собирался.

Квинт понимал, что помощника, скорее всего, обманывают. Но ради нескольких монет пришлось бы задерживаться, искать свидетелей, слушать хозяина и девушку, а потом всё равно платить — главное доказательство мул уже съел. Он велел отдать деньги. Секст напомнил, что платит из своих.

Квинт ответил, что не стоит портить из-за этого утро, и только у ворот сообразил: утро было общее, а деньги — нет.

Он попытался вернуть настроение разговором о подарке. Секст сказал, что не просил покупать обе пряжки. Это прозвучало неблагоприятно, и Квинт обиделся с искренностью человека, хотевшего сделать приятное и вынужденного теперь оправдываться за неприятное, сделанное между делом. Ссору прекратил мул: упёрся перед выходом на дорогу, и обоим пришлось им заняться.

Дорога поднималась среди сухой травы. Секст прицепил новую пряжку к старому поясу, вторую убрал, но вскоре достал снова — хотелось слышать, как звенят обе. Квинт терпел звон, хотя в другой раз велел бы снять лишнее. Он решил, что скоро мальчишка успокоится и забудет утреннюю ссору. Сам он чужие мелкие потери забывал быстро.

Им встретился старик с пустой корзиной и попросил пить. Квинт дал сосуд. Старик старался не касаться горлышка губами, пролил воду на бороду и долго извинялся. На прощание предупредил, что до самого поворота тени не будет. Секст пробормотал, что это и так видно. Сказал ровно настолько тихо, чтобы обидеть старика, если тот услышит, и не отвечать за сказанное, если не услышит.

Первый из двоих сидел у кустов и поправлял обувь. Второй стоял чуть дальше, боком к дороге. Квинт заметил их заранее, успел подумать, что надо бы держаться ближе к помощнику, — и тут же устыдился. Ждать разбойника в каж-

дом, кому жмёт сандалия, значило бы заранее испортить себе большую часть встреч.

Мул встал. Сидевший поднялся и взялся за сумку Квинта. Сделал он это так буднично, что Квинт не сразу понял: дорогу у него спрашивать не собираются. В другой руке у человека был короткий нож, потемневший у рукояти.

— Отпусти сумку и иди дальше, — сказал незнакомец.

Квинт смотрел на большой палец, лежавший вдоль лезвия, и думал, что разбойник может порезаться, если рука соскользнёт. Мысль была нелепая, но именно она заняла то время, за которое следовало решить, что делать. Секст остался у мула.

— Отдай им деньги. У нас ещё останется, дойдём до знакомых.

Квинт попробовал снять ремень. Тот проходил под одеждой; надо было поднять локоть, но нападавший тянул и не давал. Квинт попросил освободить ему руку — и получил рукоятью в лицо. Зубы клацнули громче удара. Он согнулся, чужая ладонь снова рванула сумку, и боль, унижение, страх и невозможность сделать то, чего от него требуют, слились в одно движение: Квинт вцепился в запястье с ножом.

Потом он показывал этот приём приятелям. Получалось убедительно: перехватить, вывернуть, использовать вес противника. На дороге ничего похожего на умение не было. Пальцы скользили. Лезвие тыкалось под одежду. Квинт не понимал, чья кровь делает руку мокрой, слышал крик Сек-

ста — и думал ещё и о поклаже: второй уже дошёл до мула, а там лежало то, ради чего они ездили.

Ремень лопнул. Оба упали, Квинт оказался сверху, навалился всем телом и почувствовал, как под рукой что-то подалось. Лицо нападавшего стало удивлённым, почти обиженным. Сумка застряла между ними. Квинт выдернул её, проверил застёжку — и только тогда увидел, что нож у него в руке.

Секст стоял по ту сторону мула. Второй держал его у поклажи; белая одежда мальчишки была разорвана от плеча. Квинт успел разозлиться, что тот всё-таки надел в дорогу хорошее, — злость ничуть не мешала страху за него. Квинт уже шёл с ножом, и человек у мула толкнул помощника в сторону. Отпускал ли он его или хотел перехватить поудобнее, потом так и не удалось установить. Тогда Квинт этого вопроса себе не задал.

Он ударил. Человек отступил, и Квинт ударил ещё раз. Теперь Секст был у него за спиной, а разбойник сидел на земле, прижимая ладони к боку.

— Хватит! — кричал мальчишка. — Надо уходить!

Квинт остановился. Это «хватит» потом мучило его больше всего: значит, со стороны было видно, что он может продолжать. Сам он такого намерения не помнил. Помнил только, как трудно было разжать пальцы.

Первый лежал неподвижно. Второй пытался что-то сказать. Квинт наклонился: вдруг впереди ждут остальные,

вдруг нужно знать что-нибудь ещё, чтобы выбраться. Человек попросил воды.

Сосуд был под поклажей. Квинт стал развязывать узел. Секст тянул его за локоть, повторял, что надо идти. Квинт велел подождать. Он возился долго: руки не слушались, а ему очень хотелось наконец сделать что-то правильно. Теперь правильным было напоить человека, которому он только что всадил нож в бок. Когда Квинт вернулся, тот уже не мог пить.

Квинт почувствовал облегчение и испугался его. Ещё одно решение перестало быть нужным. Он стоял с водой, пока Секст не закричал снова. Тогда пошёл к мулу и стал разжимать пальцы мальчишки, вцепившиеся в повод. Тот обругал его неожиданно зло. Квинт засмеялся. Секст сначала тоже, потом заплакал, а Квинт продолжал смеяться.

Они брели в гору. Квинт останавливался, упирался ладонями в колени: смех не давал вдохнуть. Вместе со смехом поднималось возбуждение, стыдное и неуместное, и приходилось поправлять одежду. Тело было цело и хотело жить со всеми подробностями; ему не требовалось сверять это желание с тем, что осталось позади. Секст просил замолчать. Квинт умолкал — и через несколько шагов начинал снова.

В селении им позволили посидеть у стены. Женщина принесла ткань и попросила не вытирать кровь о штукатурку. Рядом ругались из-за ведра, бродили куры, ребёнок жаловался, что ему наступили на руку. Квинт слушал с нежно-

стью: обычная жизнь продолжалась и, кажется, соглашалась принять их обратно.

Секст достал пряжки. Красивая сломалась. Крепкая уцелела — вместе с заусенцем, который утром помог сбить цену. Он положил обе на колено. Квинт пообещал починить одну или купить новую и добавил, что случилось не самое страшное. Помощник поднял глаза.

— Не надо мне больше ничего покупать. Дай просто посидеть, ладно?

Квинт хотел напомнить, что спас ему жизнь. Это была правда. Но сейчас эта правда почему-то собиралась выйти у него изо рта в том же виде, в каком утром выходило напоминание о подарке. Он промолчал. Женщина принесла воды; Секст подержал сосуд на коленях и протянул ему. Они выпили по очереди. Говорить о том, кто теперь кому должен, не хотелось ни тому, ни другому.

Глава 4

Где исключение

Квинт закончил рассказ и ждал вопросов. Ему казалось, что люди, выслушавшие историю о двух убитых, обязаны хотя бы обозначить своё отношение, прежде чем вернуться к своим делам. Но Хори занялся расщеплённым ногтем. Полоска цеплялась за ткань; Хори поддел её зубами, и Квинт почувствовал раздражение, несоразмерное чужому занятию. Ноготь слишком напоминал руку женщины из видения. К тому же Хори выслушал самое важное, а по его лицу нельзя было понять, на чьей он стороне.

— Возьми нож, если тут найдётся нож, — посоветовал Квинт. — Оторвёшь с кожей, и кровь попадёт в общую воду.

— Благодарю за заботу о воде, — ответил Хори. — Палец пока ещё мой.

Эйрик рассмеялся. Свой смех на дороге Квинт объяснял пережитым ужасом; смех северянина после рассказа об этом ужасе показался ему просто дурным воспитанием.

Хори всё-таки оторвал полоску. Выступила кровь. Он облизал палец, а Квинт машинально отодвинул чашу. Хори заметил и промолчал. Такое молчание было не легче шутки: сосед давал человеку самому догадаться, как смешно тот выглядит, и словно оказывал этим услугу.

Нари пыталась распустить узел на мокрой ткани. Затянутая петля не поддавалась. Женщина несколько раз оглядывалась туда, куда ушёл Павел, и Квинт решил: когда апостол вернётся, первой о детях спросит она. Он подвинул чашу, чтобы Нары могла смочить тугой узел.

Из темноты подошёл мужчина со светлым шрамом через щеку. Он держался за поясницу.

— Апостол здесь?

Хори показал направление, но человек посмотрел на огонь с такой усталостью, что Эйрик позволил ему присесть на краю своего свободного места.

— Только ненадолго. Здесь ждут другого человека.

Незнакомец пообещал встать, как только понадобится.

— С чем пришёл? — спросил Энна. — Какая у тебя просьба?

— Мне нужен Павел.

— Без сути я не смогу её правильно отметить.

Человек хотел что-то сказать, поморщился и попросил сперва воды. Ему налили. Пока он пил, Энна выбрал камешек, и к тому времени, как человек смог говорить, его дело уже заняло место среди прочих.

От трещины подошла женщина с двумя чашами.

— Кому ещё не носили воды?

Квинт показал на людей за плоским камнем, но Энна оставил её:

— Им уже давали. Вот этим, слева, ещё нет. Там человек

лежит, сам не подойдёт.

Она заглянула за камень, кивнула и пошла влево. Энна переложил светлый камешек к двум тёмным. Когда женщина вернулась с пустыми чашами, он убрал все три.

— Ему теперь хватит, — сказала она. — Спасибо, а то опять бы круг сделала.

Квинт потянулся остановить руку Хори у сосуда: кровь с пальца могла попасть в воду. И снова мелькнула знакомая белая стена — так что он не сразу понял, чего испугался: крови на пальце или возвращения чужого дома.

— Что ты делаешь? — резко спросил Хори.

Пришлось отпустить его и сослаться на воду.

— Ты сначала реши, чего хочешь, — сказал Хори. — Чтобы я пил, чтобы не пил или чтобы всякий раз объяснял, что делаю своей рукой. Тогда хоть будем знать, из-за чего ссоримся.

— Я не ссорюсь. Давай вернёмся к рассказу.

Квинт повторил главное: на них напали, Секста удерживали, удалось защититься, оба нападавших умерли.

— А сумка у тебя осталась? — спросил Хори.

Квинт почувствовал, что тот нарочно выбирает малое, чтобы поставить под сомнение большое.

— Будь дело только в деньгах, я бы отдал. Но второй уже держал Секста. Мне что, надо было выяснять, ограничится он деньгами или нет?

— Я спрашиваю о сумке, потому что ты всё время хвата-

ешься за пустой пояс. Отвечаешь про мальчишку, а рукой проверяешь пропажу.

Квинт положил обе ладони на колени.

— Сумка осталась у меня, — признал он.

Хори кивнул. Он не обвинял и не оправдывал, и Квинту пришлось самому спорить с выводом, которого вслух никто не произнёс.

Павел вернулся, когда незнакомец со шрамом допивал воду. Увидел кровь на пальце Хори.

— Кто пострадал?

— Никто, — ответил Эйрик. — Тут рассказывают о прежних неприятностях.

Квинт начал заново. На этот раз история вышла короче. Из неё исчезли пряжки, утренняя ссора, досада на одежду, странное возбуждение на подъёме. Остались нападение, нож и спасённый Секст.

Квинт не солгал ни в одной фразе. Он лишь выбирал фразы, которые не мешали друг другу. Так при жизни составлялись хорошие объяснения, и он не понимал, почему после смерти должен отказаться от единственного навыка, который ещё мог пригодиться.

Павел слушал, сцепив пальцы. Когда Квинт закончил, апостол разнял руки и потёр трещину у ногтя. Пауза затянулась.

— Назови другой исход, — потребовал Квинт. — Возможный там, на дороге. Не здесь, у костра, где каждому уже

известно, чем всё кончилось.

— Меня там не было, и я не знаю, могли ли вы уйти, — ответил Павел. — Но ты просишь не только об этом. Ты хочешь услышать, что всё сделанное было необходимо и что, кроме необходимости, в тебе ничего не происходило. Этого я за тебя сказать не могу.

— А я не могу разделить одно и другое так, как тебе удобно. Я боялся за мальчишку, боялся за себя, злился, держал сумку. Всё было сразу. Если ты выберешь из этого одну злость, получится другая ложь.

— Согласен, — сказал Павел. — Именно поэтому нельзя заканчивать рассказ раньше, чем в нём появились все части. Чтобы спросить о лишнем ударе, не нужно объявлять ошибкой жизнь Секста. Страх за себя не отменяет спасения другого. Но и спасение не делает остальное невидимым.

Квинт посмотрел на Нарю. Ему хотелось, чтобы она вмешалась, возразила Павлу, хотя бы спросила, сколько у него было времени на решение. Женщина взяла у Хори тонкую щепку и продолжала распутывать узел. Она слушала, но не собиралась становиться свидетелем дороги, которой не видела.

— За воротами будут знать то, чего я сам не помню? — спросил Квинт.

— Суд не зависит от того, насколько удачно человек перескажет свою жизнь.

Квинт вернулся к заповеди. Зачем давать новое знание

после смерти? Дорога позади, вернуться туда с нынешним пониманием нельзя. У них были свои боги и свои представления о дозволенном. Квинт не считал, что творил зло, когда защищался.

— А если твоего забудут? — спросил Хори. — Последний человек умрёт. Тогда что?

— Я верю, что Бог не зависит от того, помнят ли Его люди.

— Наши тоже не предупреждали, что мы кормим их памятью.

Павел ответил не сразу. Хори ждал, опустив руки.

— Почему они не могли без вас, я не знаю, — сказал апостол. — Но от своей веры из-за этого не откажусь.

— Я от своей пока тоже не успел, — ответил Хори.

Павел потёр глаза. Его позвали, потом ещё раз, настойчивее. Он ответил Квинту, не успев сдержать раздражения:

— Так спроси у своих.

Квинт перестал двигать руками. Хори замер, Энна оторвался от камней. Павел увидел их лица и, кажется, только тогда услышал, что сказал.

— Ты сам сообщил, что они умерли, — произнёс Квинт. — Поэтому я и спрашиваю тебя. Или мне ждать, пока у вас найдётся человек, которому можно задавать неудобное?

— Я ответил жестоко и зря, — признал Павел. — Я не хотел отсылать тебя к тем, кого нет.

Квинт промолчал. Извинение не вернуло ему ни богов, ни уверенности в своей правоте на дороге, а продолжать значи-

ло снова дать апостолу объяснять. В этот момент поднялся человек со шрамом.

— Я ведь за вами пришёл, — напомнил он. — У соседнего огня женщине защемило руку, пальцы не разжимаются. Меня послали за вами, а я сел пить и заслушался.

Павел пошёл с ним. Нари успела встать, но не успела его остановить. Только теперь Квинт вспомнил своё намерение дать ей спросить первой. Ему даже не пришлось нарушать его сознательно: всё случилось само, пока он добивался справедливости для себя.

Эйрик наклонился к нему.

— Назови ещё раз имя своего мальчишки. Если он появится здесь, я уступлю ему место.

Квинт назвал. Благодарить не стал — побоялся, что поведёт голос.

Нари наконец распустила узел.

— Балам тоже смеялся, когда боялся, — тихо сказала она. — Я на него злилась: люди смотрят, надо вести себя прилично, а он никак не остановится.

Квинт поднял глаза — и в эту секунду из костра выстрелила зола и попала ему под веко.

Он выругался и потянулся тереть. Тупа перехватил его руку, Хори взял чашу, Нари придвинулась к свету. Эйрик советовал моргать, Энна требовал сперва перестать моргать, чтобы можно было промыть. Хори предложил им договориться, пока у Квинта ещё есть глаз. Люди, не сумевшие сойтись во

мнении о двух смертях, без всякого распределения поделили между собой простое дело.

Квинт вырывался, ругался, просил держать иначе. Когда смог открыть глаз, увидел совсем близко лицо Нари. Она за-слоняла пламя ладонью, чтобы свет не бил в зрачок. В кулаке у него остался её мокрый рукав. Он отпустил его и сказал:

— Я слышал начало твоего рассказа о сыне.

Нари забрала ткань.

— Сейчас не надо. Расскажу потом, когда ты сможешь слушать.

Глава 5

Некому подтвердить

Когда Нари снова ушла, разговаривать стало труднее. Пока она сидела у огня, мужчины могли по очереди сожалеть о её сыновьях, советовать, куда идти, и объяснять друг другу, почему поиски не дают результата. Теперь она опять искала сама, а они остались греться. Советы от этого не стали менее разумными — просто следующие стало неловко произносить. Энна передвинул один камешек, хотя ничего нового не произошло. Квинт решил, что управитель отмечает отсутствие Нари, и хотел спросить, зачем учитывать её отсутствие отдельно от всех прочих отсутствий в этом огромном месте. Но тогда пришлось бы признаться, что он всё ещё следит за женщиной, которой мог предложить разве что чужое место у костра.

Хори нашёл в складках одежды сухую крошку. Долго разглядывал её на ладони, потом положил у колена и подгрёб немного земли, чтобы не укатилась. Квинт решил, что Хори собирается есть, и отвернулся: смотреть на такую трапезу было неудобно. Когда он снова поднял глаза, Хори сидел, сложив руки перед лицом. Губы его шевелились. Из речи, которая до сих пор доходила до Квинта без малейшего усилия, теперь удавалось разобрать только повторяющееся об-

ращение. Что оно значит, он не знал.

— Это кому? — спросил Энна, кивнув на крошку.

Хори продолжал говорить. Управитель терпеливо дождался паузы и повторил вопрос. Вежливость у него была особенного рода: собеседнику дают закончить ненужное занятие, прежде чем объяснить, что оно не нужно.

— Тому, кому я всю жизнь оставлял, — ответил Хори.

— Но Павел сказал...

— Я слышал, что сказал Павел. Я близко сидел.

Энна замолчал. Хори снова поднял ладони и тут же опустил.

— Он не объяснил, куда мне теперь девать руки. Я их вот так складывал, когда боялся. Если положу на колени, по-твоему, станет лучше?

— Я только хотел напомнить.

— А я пока ничего не забыл.

Хори начал снова. Квинт разобрал: «Ты, слышащий того, кто...» Дальше губы шевелились беззвучно. Хори потёр лоб.

— Мать говорила без запинки. Даже когда зерно перебирала.

Энна открыл рот.

— Не подсказывай. Ты не знаешь.

Хори придвинул крошку ближе, словно от расстояния что-то зависело.

— Ты, слышащий того, кто...

Квинт хорошо знал, как говорят с богами, когда нужно

заключить сделку. Заранее решаешь, чем можешь пожертвовать, и стараешься не обещать лишнего: удача проходит быстро, а обязательство остаётся. Бывало, он добросовестно приносил положенное и всё равно не получал желаемого. Тогда думал, не ошибся ли в обряде. Ему и в голову не приходило, что можно исполнить всё правильно и потом узнать, что принимать уже некому. Теперь он с неприятным чувством перебирал свои старые обеты, как долги умершему торговцу, после которого не осталось наследников. Стыднее всего была внезапная мысль: некоторые из них теперь можно не исполнять.

Хори наконец договорил. Крошку оставил на земле. Эйрик подложил щепку, придержал, пока не занялась, и отодвинулся. Квинт тоже смотрел на огонь.

Хори провёл ладонью по груди, пошарил за воротом и усмехнулся.

— Что там? — спросил Квинт.

— Жук должен быть. Каменный. Его кладут над сердцем.

— Чтобы не сбежало?

— Чтобы не заговорило против хозяина. Тебе я бы заказал покрупнее.

Квинт потянулся к месту, где при жизни висела сумка, и убрал руку.

— Удобный у вас суд. Сначала затыкаешь рот свидетелю.

— А ты своего Секста сюда привёл? Нет? Тогда не торопись судить мой камень.

Эйрик наклонился к огню, прикрывая ладонью слабый язычок пламени. Хори смотрел на его пальцы.

— Сердце кладут на весы против пера Маат. Оно знает, что я делал, даже когда никто не видел. Я просил его не становиться мне врагом.

— А если оно скажет правду?

— Пусть скажет всю. Не только ту, что тебе приятно слушать.

Квинт хотел ответить, но Хори вдруг заговорил быстрее, словно спохватился, что и здесь отведённое время кончается:

— Мать учила меня этим словам. Я был совсем маленький, ничего ещё не успел натворить, а уже просил сердце не свидетельствовать против меня. Она сидела у двери, свет бил ей в глаза. Нет, не у двери...

Он замолчал. И Квинт увидел белый край полки — так близко, что захотелось пригнуться. Голос женщины звучал у него из-за спины. Но за спиной сидел Энна.

— Полка была справа? — спросил Квинт.

Хори повернулся к нему всем телом.

— Не надо. Сейчас не надо.

— Я только...

— Знаю, что ты только. Дай мне хотя бы самому вспомнить, где она сидела.

Энна взглянул на сосуд Павла.

— Теперь всё равно судить будут иначе.

— Это я понял, — сказал Хори. — А говорить за меня ты уже начал.

Он поднял крошку, сдул приставший пепел и снова положил на землю, на этот раз ближе к огню.

Первым уснул Тупа. Он ещё какое-то время перебирал пальцами завязку, словно проверял узел, потом голова его опустилась. Квинт смотрел на него с завистью: оказывается, можно ненадолго перестать ждать, ничего для этого не решив и ни у кого не спросив разрешения. Потом и сам перестал различать огни.

Во сне Секст снова стоял у прилавка. Только теперь мальчишка выбирал крепкую пряжку, а Квинт уговаривал его взять красивую. Он слышал свой голос и понимал, что всё неправильно: спорили они наоборот. Но исправлять не хотелось. Пока они спорили, день не мог двинуться дальше — значит, впереди ещё не было ни дороги, ни человека, который попросит воды, когда помочь ему будет уже поздно. Квинт протянул руку за второй пряжкой и проснулся от жара. Пальцы лежали в пепле.

Он отдёрнул руку и выругался. Тупа вздрогнул и приподнялся на локте.

— Девочка проснулась? Ей надо дать попить, прежде чем пойдём.

Проводник обвёл взглядом лица и медленно сел. Квинт хотел спросить, о какой девочке речь, но увидел, как Тупа сжал губы, и промолчал. Ему самому сейчас не хотелось объ-

яснять, почему он во сне опять покупал пряжки. Он оттер испачканные пальцы и с облегчением подумал, что хотя бы этот сон принадлежал ему. Он помнил торговца, утреннюю жару, недовольный голос Секста — помнил даже то, что сон успел переделать. Чужая кошка под белой полкой не появлялась.

Вернулась Нарі — но только за тканью. Она остановилась возле Энны, который уже потянулся к камешкам, и забрала свой.

— Я ещё похожу. Потом вернусь сюда. Не надо всякий раз что-нибудь со мной делать, пока меня нет.

— Камень тебя ни к чему не обязывает, — начал Энна, но она уже отвернулась.

Эйрик проводил её взглядом и не встал. Квинт тоже остался на месте: после сна холод пробирал сильнее, и мысль о том, чтобы снова ходить между кострами и повторять чужие имена, вызывала почти физическое отвращение. Он сказал себе, что Нарі сама просила её не трогать. Просьба касалась камешка, но сейчас это различие удобнее было не уточнять.

Хори придвинул ноги к нагретому боку камня. Некоторое время смотрел туда, где исчезла Нарі, потом перевёл взгляд на свою крошку.

— У матери крыша текла, — сказал он. — Она всё велела починить, а я ждал дождя.

Квинт повернулся к нему. Обычно Хори начинал такие

рассказы ради смеха; теперь он даже не проверил, слушают ли его.

— Вот бы туда, — добавил Хори. — Хоть под эту крышу. Я бы переставил ей сосуды.

Глава 6

Через заднюю дверь

У Хори в доме было три места, где протекала крыша, и мать знала все три. Когда дождя не было, она ставила туда пустые сосуды. Хори считал это дурной приметой. Мать считала дурной приметой сына, который не чинит крышу. На её замечания Хори обычно отвечал, что дождя сейчас нет. Ответ казался ему исчерпывающим: неудобство существовало в будущем, а человек, которого придётся позвать, потребует платы уже сегодня. Мать возражала, что сухая погода для того и дана, чтобы чинить крыши.

— Сухое не течёт, — говорил Хори, довольный удачной формулировкой.

— А ты не думаешь, пока по голове не ударит, — отвечала мать. — Крышу хоть пожалей.

В комнате матери висела белая полка, которую белили с усердием, необъяснимым для вещи, куда каждый день ставили грязную посуду. Именно под неё Хори когда-то забрался, спасаясь от материнской руки.

Кувшин он разбил нарочно: ему не дали котёнка, и он решил устроить домашним такое же несчастье. Несчастье вышло громче, чем он рассчитывал. Мать осталась с ручкой от кувшина, кошка зашипела на мальчика, а сам он вдруг по-

нял, что у убежища только один выход. Мать вытащила его за ногу, дважды шлёпнула, а потом долго плакала, прижимая к себе.

Впоследствии Хори совершенно искренне уверял, что его никогда не били. В материнской любви он не сомневался и не видел нужды портить эту несомненность двумя шлепками. Но ребёнок под полкой ещё ничего не знал о дальнейшей жизни. В ту минуту он видел только обломок в поднятой руке и боялся, что мать его убьёт.

Однажды Пахер принёс ящик, который не прошёл в дверь. Хори заранее измерил место под полкой, а измерить дверь не догадался. Они долго крутили ящик, ругали дерево, дверь и друг друга. Мать сидела внутри и советовала сначала впустить крышку: вдруг остальное пойдёт следом.

Пахер наконец засмеялся. Хори велел ему не бросать нижний угол — и тоже засмеялся; ящик застрял у обоих между коленями. Мать принесла воды. Пить пришлось по очереди, пока второй держал. Крышку сняли, ящик протиснули боком.

Пахер остался обедать. Весь обед Хори объяснял, что мерка была правильная, и мать каждый раз соглашалась: под полку-то ящик встал. После третьего раза Пахер уже не мог есть.

Ящик так и остался без крышки — доставать вещи было удобнее, и ошибка постепенно превратилась в достоинство работы. Сам Пахер ещё долго ходил к Хори как мастер. Они

спорили о цене дерева, о сроках и о том, кто виноват, если заказчик объясняет, чего хотел, когда вещь уже готова. Хори любил эти споры. В них оба могли сердиться, потому что оба были нужны друг другу.

Примеряя крышку, Пахер прикусывал нижнюю губу. Хори сто раз собирался сказать, что выглядит это глупо, и ни разу не сказал: ящики были хорошие. Потом у Пахера разболелась кисть. Несколько месяцев он работал другой рукой, портил дерево, срывался на жену, которая советовала отдохнуть. Отдыхать было не на что.

Первый мешок зерна Хори отправил сам. Второй тоже. На третий Пахер пришёл и сказал: хватит. Хори ответил, что хорошо, больше посылать не будет. Пахер остался стоять у двери. Было видно, что разговор пошёл не так, как он представлял себе по дороге: он хотел отказаться от подачек, а не от возможности накормить семью.

— Ты обиделся? Я ведь не то имел в виду, — сказал он наконец.

Хори заверил, что не обиделся, и спросил, что же гость имел в виду. От такого вопроса Пахеру стало ещё труднее. Они долго искали слова, пока Хори не принёс мешок. Пахер взял его с таким видом, будто хозяин навязал ему тяжёлую работу. С тех пор оба знали, что значит «хватит». И всякий раз Хори давал гостю произнести это слово. Иногда из уважения. Иногда потому, что ему нравилась пауза, наступавшая после.

Позже, когда Пахер стал приходить за зерном сам, Хори иногда нарочно заставлял его ждать. Объяснял занятостью, хотя чаще просто сидел в комнате и слушал шаги за дверью. Ему хотелось выглядеть человеком, у которого есть важные дела помимо чужой бедности. Пахер, ожидая, второй раз не стучал, и от этого хозяин злился ещё сильнее.

В день, когда Пахер принёс рыбу, он пришёл без мешка. Хори решил, что дела наладились, и обрадовался. И тут же устыдился: вместе с гостем он поздравлял собственные запасы зерна. Пахер положил рыбу на стол. Пахло хорошо — речной водой и ещё чем-то живым.

— Это не в счёт того, что ты давал, — предупредил Пахер, не убирая руки. — Я просто принёс.

Хори хотел сказать, что никаких счетов не ведёт, но оба знали бы цену такому уверению. Поэтому он показал на мокрый стол:

— Тогда мог бы принести ещё и тряпку. Пока твой подарок не уплыл.

Пахер улыбнулся. Они поговорили о воде, о соседе, который перестроил стену и теперь требовал, чтобы все обходили с другой стороны. Хори впервые за долгое время не спросил про руку. Пахер показал сам: пальцы сгибались плохо, но сгибались. Уходя, он ничего не взял.

— Им хватит? — спросил Хори.

Пахер остановился.

— Сегодня хватит.

— Я не про сегодня.

— А я про сегодня.

После его ухода мать велела позвать человека чинить крышу.

— При чём тут крыша?

— При том, что ты стоишь довольный. Раз уж стоишь, сделай заодно полезное.

Хори отнёс рыбу на кухню. Человека не позвал.

Но между первым мешком и рыбой был ещё один вечер, который Хори не любил вспоминать. Пришла жена Пахера. Не за едой. Сначала Хори решил, что муж её умер, и так обрадовался своей ошибке, что заговорил слишком громко.

— Живой? Ну так зачем ты меня пугаешь? Я уж не знаю, что и думать.

Женщина смотрела на него без улыбки. Он начал объяснять, что обычно она выглядит веселее, но она перебила:

— Мне надо тебя попросить. Только сначала выслушай, пожалуйста.

Он приготовился дать больше. Дать больше было можно; он любил просьбы, у которых был размер. А она попросила не рассказывать соседям.

Хори обиделся искренне. Он никогда не ходил по соседям с рассказами о том, кого кормит. Один раз упомянул за обедом. Потом ещё раз — когда спросили, отчего уходит столько зерна. Потом показал, как Пахер ходит с пустым мешком, — но смешно там было про гордость, а не про голод. Разве

она сама не смеялась?

Жена Пахера стояла у того самого стола, за которым её муж ел и смеялся вместе с хозяином. Она поправила край одежды и посмотрела на дверь.

— Я смеялась, — сказала она.

Он не успел спросить вслух.

— Ты хорошо показываешь. Только теперь у нас ребёнок так ходит. С мешком. Перед отцом.

Хори опустил руки. Он уже поднял их, собираясь показать, как именно ходил, и объяснить разницу. Женщина подождала. Хори предложил поговорить с её мужем. Она покачала головой: Пахер ни о каком разговоре не просил. Она пришла сама и просила только об одном — чтобы их нужда перестала быть развлечением за чужим столом.

— Хорошо. Больше не буду рассказывать, — сказал Хори.

Она поблагодарила и ушла. Хори долго сидел за столом. На столе осталось пятно от чаши. Он провёл по нему пальцем, потом позвал служанку и велел вытереть как следует. В голосе было больше злости, чем заслуживала вода.

Наутро Пахер пришёл с мешком. Хори вышел сразу, взял его за плечо и заговорил приветливо, почти торжественно. Пахер смотрел с подозрением. Когда хозяин предложил посидеть, он сказал, что жена ждёт.

— Мы с ней говорили.

Пахер перестал шевелиться. Хори понял, что ошибся, и, пытаясь исправить, сделал хуже.

— Хорошая у тебя женщина.

— Знаю.

— Она за тебя...

— Я знаю.

Пахер забрал мешок. Хори не помнил, поблагодарил ли он в тот раз. Потом ещё долго носили через заднюю дверь. Хори даже требовал, чтобы носили незаметнее, и сердился, когда замечали.

Однажды он вышел во двор и увидел сына Пахера. Мальчик стоял у дерева. Не просил, не прятался. Хори дал ему плод. Мальчик взял и посмотрел на ворота.

— Дома съешь, — сказал Хори.

— А тебе потом сказать, что было вкусно?

Хори хотел засмеяться. Это могло быть детским подражанием взрослым. Могло быть просто вопросом. Он так и не узнал.

— Если захочешь.

Мальчик спрятал плод за пазуху и побежал. Через несколько шагов замедлился, чтобы не растрясти. От этого движения у Хори защемило под рёбрами. Он окликнул мальчика и дал ещё один — для сестры. Ребёнок нахмурился:

— У меня брат.

Хори знал. Просто забыл.

Когда матери стало трудно вставать, он перенёс её постель подальше от сырого угла. Она похвалила, а потом сказала, что теперь не дотянуться до чаши. Хори передвинул столик.

Оказалось, что столик мешает открыть дверь. Хори поднял руки и спросил, нельзя ли сразу сказать всё.

— Можно, — ответила она. — Почини крышу.

Оба засмеялись. Мать закашлялась, и смех пришлось останавливать. Хори держал её за плечи, пока она не смогла вдохнуть. Человека для крыши он нанял наутро.

Уже после её смерти, когда в комнате стояла сухая новая тишина, Хори снял белую полку, которую собирались выбросить. В стене за ней нашёл обломок старой ручки. От того кувшина он быть не мог — мать убрала бы сразу. Но Хори всё равно его узнал. Под полкой не было никакой кошки. На земле лежали три высохших жука. Он велел повесить полку на место. Работник спросил, зачем оставлять старую, если есть хорошая. Хори ответил, что эта крепче, и рассердился так сильно, что работник больше не спрашивал.

Вечером Пахер принёс рыбу и задержался поговорить. Хори слушал его, а сам думал о полке: работнику следовало спокойно объяснить, почему её надо оставить. В конце концов, тот не обязан был знать, где маленький Хори прятался от матери. За ужином рыба оказалась превосходной. Хори взял второй кусок, вспомнил, как мать отодвигала от себя это блюдо, и уже открыл рот, чтобы сказать ей, сколько хорошего она упускает.

Кусок пришлось положить обратно.

Глава 7

Приличный человек

Нари вернулась от соседнего костра с совсем онемевшей ногой. Там обещали показать человека, который мог знать о детях, и она собиралась сразу идти дальше, но, переступая через камни, подвернула колено. Хори успел подхватить её под локоть.

— Постой у огня, пусть нога проснётся. Там я тебя поднимать не стану, у меня и здесь работы хватает. На одной ноге уже римлянин сидел.

Квинту пришлось отодвинуться на мокрый край, чтобы освободить ей место.

— Я не нарочно, — напомнил он.

— Вот поэтому и страшно. Нарочно ты бы меня, наверное, всего раздавил.

Нари коротко засмеялась. Хори подержал её ещё немного и убрал руку раньше, чем она попросила.

Из-за спин у дальнего огня показалась женщина с низкой корзиной. Шла боком, придерживая одежду под коленом. Добравшись до света, поставила корзинку и схватилась за голень.

— Павел здесь? Велел вам хлеба принести.

— Ушёл, — сказал Хори.

— А мне что с ним делать?

Энна уже поднялся.

— Оставляй, мы передадим.

— А мне самой присесть можно? Ногу свело, пока вас искала.

Хори отодвинул корзинку и смахнул два острых камня возле Нари. Женщина опустилась рядом. Обе поморщились, когда колени соприкоснулись. Под лоскутами в корзинке лежали лепёшки. Хори разломил одну. Внутри она оказалась мягкой, от пальцев остались ямки, и у Квинта под языком собралась слюна.

— Где взяла? — спросил он.

Женщина показала за плечо.

— Там дают, кто подходит.

— А кто даёт?

Она пожала плечами.

— Мне дали, я принесла. Если хочешь узнать у них ещё что-нибудь, сходи потом. Пока ешь.

Хори протянул ей половину.

— Я уже ела.

— Тогда поддержи, пока я разломлю.

Когда он закончил, она так и держала хлеб. Хори не забрал. Эйрик взял кусок сразу. Тупа сначала вытер ладони об одежду. Энна хотел положить свою долю рядом с камешками, но там было грязно, и он долго перекладывал лепёшку из руки в руку.

— Тебе? — спросил Хори.

Квинт взял. Нарі посмотрела на него и тоже протянула руку. Никто не заговорил первым. Хлеб лип к зубам. Женщина с корзинкой пила понемногу, стараясь не касаться губами края чаши, и вода текла ей на подбородок. Хори подставил ладонь под её руку и приподнял чашу.

— Теперь я вся мокрая.

— Зато не от меня.

Она толкнула его локтем, но руку не отняла. Нарі снова засмеялась. В воде плавала крошка; Хори выловил её пальцем и съел.

— Там за это отдельно спросят? Или можно дальше?

— За что? — спросил Энна.

— Ничего. Ешь.

Нарі жевала медленно. Когда казалось, что она уже проглотила, щека снова начинала двигаться. Хори, не спрашивая, положил рядом с ней второй кусок.

— Не успею, — сказала она.

— Возьми с собой.

— Куда положить?

Хори вытащил из корзинки лоскут. Женщина с больной ногой придержала другой конец, и вдвоём они завернули хлеб, но узел Хори затянул слишком туго. Нарі забрала свёрток и перевязала сама.

— Я всё равно уйду.

— Да уходи. Я тебе не камешек дал.

Энна откусил от своей лепёшки и проверил, не осталось ли на пальцах грязи.

— Был у меня один, — сказал Хори, — тоже всё боялся задержаться. Стоял с пустым мешком так, будто я ему денег должен. И каждый раз спрашивал, скоро ли.

Квинт вытер мокрый палец о колено.

— Работал на тебя?

— Нет. Ел.

— У тебя?

— Не при мне. У него жена была, двое детей. И старуха. Мать, кажется. Чья — не помню.

— Ты их кормил?

— Нет, он с пустым мешком гулять ко мне ходил.

Хори вынул изо рта шелуху и положил на камень. Посмотрел на Квинта и переложил шелуху на ткань.

— Сначала я посылал ему сам. Потом он стал приходить. Чтобы люди меньше видели. Приходил, ждал, уходил с полным. Только однажды ему не понравилось, что хлеб в мешке сверху.

— А надо было снизу? — спросила женщина с корзинкой.

— Надо было, чтоб без мешка.

Нари перестала жевать.

— Как это?

— А вот так. Через заднюю дверь. Там жена заберёт, а ему дай пустой. Он выйдет через переднюю и будет всем мешком показывать, что ничего не взял.

Хори встал, расправил плечи, двумя пальцами подхватил пустой лоскут и прошёл между Энной и Квинтом, глядя чуть поверх их голов. Потом присел, раздвинул колени и прикусил губу — точь-в-точь как Пахер, когда мерил ящик. Же не плотника хватило бы одного взгляда, чтобы прекратить представление. Здесь на него смотрели совсем иначе. У Эйрика изо рта выпала крошка.

— Отойди, — сказала Нарі. — Наступишь.

Она прижимала ладонь ко рту. Хори шагнул назад, попал пяткой в трещину и выругался уже своим голосом. Нарі засмеялась громче. Женщина с корзинкой держалась за голень и смеялась вместе с ней. Квинт улыбнулся и принялся разламывать последний кусок.

— И ты носил через заднюю? — спросил он.

— Носили. Когда она открывалась. У нас засов разбухал, и человек мог уйти голодным исключительно из уважения к своей тайне.

Женщина с корзинкой подалась вперёд.

— А переднюю открыть?

— Я так и сказал. Он обиделся. Пришлось звать плотника. Плотник спросил, зачем нам вторая дверь, если первая хорошая. Я сказал: эта — для тех, кто у меня ничего не берёт. Эйрик поперхнулся хлебом. Тупа дождался, пока он откашляется, и спросил:

— А плотник-то взял?

Хори посмотрел на него с удовольствием.

— За две. Объяснил, что через плохую ему входить неудобно, а через хорошую он ко мне по делу не ходит.

Смеялись уже все. Нари попыталась проглотить и замачала на Хори: хватит. Он послушно зажал рот ладонью, и это оказалось ещё смешнее. Квинт протянул ему хлеб. Хори взял и наконец замолчал. Несколько мгновений слышно было только, как Эйрик пытается не засмеяться снова.

— Как его звали? — спросила Нари.

— Кого?

— Которому носили.

Хори посмотрел на хлеб.

— Пахер.

— Ты его и там так показывал?

— Тут лучше получилось. Места больше.

Он протянул чашу Квинту, но Нари перехватила её. Больше она о Пахере не спрашивала. Хори ногтем выковырял тесто из щели между зубами. Тупа разломил свой кусок надвое и спрятал половину в складку одежды.

— А ты всё помнишь, — сказал Квинт.

— А ты помнишь, у кого был нож и у кого сумка. Я слушал.

Между огнями показался Павел. Шёл мимо, одежда прилипла у него к ноге, и он на ходу дёргал её свободной рукой. Нари увидела его и привстала. Но Хори заговорил раньше, чем она успела окликнуть.

— Павел! Я кормил чужих. Без всякого возврата. А он всё

равно ищет, что я сделал не так.

— Я ещё ничего не спросил, — сказал Квинт.

Апостол остановился, но смотрел не на них. За ним кто-то шёл, и он поднял руку: подожди. Павел уточнил, получали ли эти люди еду и правда ли Хори не требовал за неё платы. Египтянин с готовностью подтвердил и то и другое.

— Тогда о чём спор? Только коротко, меня ждут.

Квинт встал. Он видел, что Нарі поднимается, и ему всё равно хотелось услышать ответ.

— Мне нужно различие. Если человек помогает ради права унижать — помощь засчитывается отдельно? Или намерение меняет всё дело? Иначе можно заранее купить себе право на что угодно.

Хори перестал жевать.

— Я не покупал. Я давал.

— Вот это и нужно выяснить.

Нарі шагнула к Павлу. Энна мягко взял её за край рукава.

— Сейчас закончат.

Она потянула руку. Ткань натянулась между двумя его пальцами.

— Мне только спросить...

— Твоё уже лежит. Я помню.

Квинт заметил её движение и, не оборачиваясь до конца, поднял ладонь.

— Минуту. Он как раз отвечает.

— Я уже ответил, — сказал Павел.

— Тогда вот что. Если помощь остаётся помощью, даже когда...

— Он и тебя кормил? — спросил Павел.

Квинт опустил глаза на лепёшку в руке. Хори посмотрел туда же.

— Мне можно ответить самому? Или он за всех спросит?

— Отпусти, — сказала Нари Энне.

— Я тебя не держу.

Она подняла руку выше. В его пальцах осталась маленькая складка. Павла окликнули снова. Он повернул голову.

— Я не могу ждать, пока вы договоритесь, кто из вас добрее.

Квинт шагнул за ним.

— Я не о себе.

— Тогда отпусти меня.

Павел пошёл к ожидавшему человеку. Нари рванула рукав из пальцев Энны и бросилась следом. Энна посмотрел на свои пальцы.

— Зачем так? — спросил он.

Квинт остался стоять с хлебом. Из темноты донеслось:

— Я про детей!

— Скажи тому, кто идёт со мной. Я ему передам.

— Он уже идёт в другую сторону!

Дальше слов было не разобрать. Нари догнала провожатого и показала назад, на их огонь. Тот остановился, выслушал, покачал головой и указал куда-то мимо неё. Хори забрал у

Квинта чашу, которую тот всё ещё сжимал второй рукой.

— Отпусти уже. Оставь ей попить.

— Надо было дать ей спросить.

Хори не ответил. Квинт сел. Хлеб смялся в ладони.

Женщина с корзинкой стала подниматься. Эйрик подставил руку, и она долго не отпускала её, пока устраивала одежду на больном колене.

— Обратно к своим? — спросил Энна.

— Старику воду несё. Он сам не дойдёт.

— Тогда захвати по пути дров, — предложил управитель.

— Там совсем рядом. А воду я пока подержу.

Она посмотрела на его протянутую руку.

— Если ты её здесь поддержишь, он всё равно не напьётся.

Дай я сначала отнесу.

— А потом опять ждать? Павел вернётся — тебя спросят первой. — Энна выбрал светлый камешек, потёр о рукав и положил впереди тёмного. — Только за это нужны два сухих полена. И принести их надо до того, как уйдёшь к своему костру.

— Старик пить хочет сейчас. Я отнесу ему чашку и вернусь за дровами. Они ведь никуда не убегут.

Энна передвинул камешек обратно.

— Принесёшь — верну на место. Мы же договорились.

Женщина посмотрела на Квинта. Он только что так подробно объяснял всем, как правильно помогать людям.

— Вы договорились, — сказал римлянин.

— Я с самого начала сказала: после воды. Вы оба слышали.

Квинт помнил порядок слов иначе. Ему казалось важным установить, когда именно появилось это условие, но женщина больше с ним не спорила. Она достала из-под хлеба маленькую чашку, обсыпанную мукой, вытерла и поставила под край сосуда. Вода текла медленно. Женщина долила до краёв, постояла, давая воде успокоиться, подняла корзинку другой рукой и ушла. Лоскут, на котором лежали лепёшки, остался у Энны. Управитель расправил его на колене.

Хори жевал. Квинт смотрел, как он вытаскивает языком застрявшую крошку. Надорванный ноготь зацепился за лепёшку; египтянин отломил этот край и сунул в рот.

За его рукой стояла белая полка.

Не здесь. Квинт видел огонь — и знал, что под полку можно залезть, если втянуть голову. Кошка лежала у стены. Пахло пролитым молоком. Он упёрся пятками в землю и попробовал выпрямить шею.

Хори протянул ему хлеб.

— Возьми нормальный. Этот ты уже задушил.

Квинт не взял.

— Это ты тогда разбил кувшин?

Хори перестал жевать. Энна поднял глаза.

— Который?

— Не здесь, — сказал Квинт.

Хори опустил хлеб на колени. Язык упёрся изнутри в щёку

и замер. Квинт наклонился так близко, что Хори отодвинул чашу.

— У белой полки. Ручка осталась у неё в руке. Ты не знал, куда деться.

— Ты мне сон пересказываешь?

— Там была кошка.

Глиняная ручка лежала в пальцах женщины. Квинт стиснул кулак, разжал — пусто.

— Была полка?

Хори поднёс воду ко рту и пил долго, маленькими глотками.

— У меня в доме много чего было.

Квинт схватил его за одежду на груди. Ткань натянулась. Хори поставил чашу между ног и накрыл чужие пальцы ладонью.

— Что ты со мной сделал? Почему я вижу твой дом?

Хори велел отпустить. Квинт продолжал говорить о полке, и тогда египтянин сжал его пальцы так, что ноготь вошёл в кожу. Квинт наконец разжал руку. На ней осталась белая вмятина; эта боль хотя бы принадлежала ему самому. Он хотел сказать ещё про мать, но Хори спрятал обе руки под мышки и отвернулся.

— Твоя мать тебя била, — сказал Квинт уже тише. — Поэтому ты и Пахера заставлял...

Хори развернулся так резко, что задел его коленом.

— Ты видел, как она ко мне по ночам вставала?

— Я не всё...

— Как воду мне держала? Как я её за палец не отпускал? Нет? Тогда закрой рот.

Квинт отшатнулся. В чужой комнате по-прежнему лежал разбитый кувшин. Ни ночи, ни воды, ни больного ребёнка там не появилось.

— Я хотел понять.

— Ты хотел рассказать мне, какая у меня мать.

Хори достал чашу из-под колен и подвинул к нему. Квинт взял, не выбирая края. Вода плеснула на колено. Он поперхнулся, откашлялся, вытер рот. За спиной Хори, над огнём, на мгновение возникло лицо его матери. Квинт отвернулся к пустому месту: там стоял стол. Нет. Там была дверь.

— Что там у вас? — спросил Эйрик.

— Подавился, — сказал Хори.

Квинт кивнул, прежде чем Эйрик успел на него взглянуть. Хори поднял с камня смятый хлеб, соскрёб ногтем налипшую сажу и бросил крошки в огонь.

Вернулась Нари. Одна.

— Пойдём туда, — сказала она Эйрику. — Откуда хлеб принесли. Там спрашивали про двоих.

— Про твоих? — спросил Квинт.

Она посмотрела на него.

— Не знаю.

— Я хотел сказать...

Нари уже завязывала хлеб в ткань. Тупа встал, придерживав

ступнёй полено, чтобы не скатилось, и поднял голову к огням.

— Я дойду с вами.

— Ты не знаешь дороги, — сказала Нари.

— Не знаю.

Она затянула узел. Тупа показал на него.

— Так на руку не надевай. Потянешь — не снимешь.

Нари распустила петлю. Он ждал и второй раз подсказывать не стал.

— А если её позовут? — спросил Квинт.

— Скажешь, куда я пошла.

— Куда именно?

Нари показала на огонь. Пока она держала руку, чья-то спина заслонила пламя. Квинт моргнул — огонь появился снова, чуть левее.

— Я могу сходить, — сказал он.

— Тогда сходи. Я тоже пойду.

Он поставил чашу. Нужно было встать и обойти камень. Хори вытянул ноги, но места оставалось достаточно. Нари взяла свёрток. Энна потянулся к её камешку.

— Пусть лежит здесь, — сказала она.

— Поэтому и беру.

— Здесь.

Он убрал руку. Квинт снова поднял чашу. Эйрик пропустил Нари вперёд. Тупа шёл рядом, не предлагая руки. У тёмной трещины все трое остановились, и на мгновение

Квинт решил, что они вернутся. Потом Тупа первым перешагнул через неё.

Квинт так и не встал.

Энна потянул к себе лоскут.

— Подержи.

Квинт подставил ладонь, не отрывая глаз от огней. Энна положил в неё три камешка и принялся вытирать освободившееся место.

Глава 8

Дальние огни

Издали Нари казалось, что дорогу к нужному костру она уже знает. Но стоило перейти широкую трещину, как огонь раздвоился: один горел ближе, второй прятался за спинами. Между ними сидели люди, которых с прежнего места не было видно вовсе. Нари остановилась. До сих пор она представляла поиски как обход нескольких огней. Теперь выходило, что за каждым могут оказаться следующие.

Эйрик обошёл её и первым шагнул через щель. Тупа задержался, выбирая, куда поставить ногу, но Нари уже не хватало терпения ждать его советов. Она переступила сама и чуть не угодила ступнёй между камней.

— Здесь, — сказал проводник.

Она уже знала.

У первого костра их спросили, откуда они. Эйрик показал. Мужчина с плоской чашей покачал головой:

— Оттуда уже приходили.

— Мы не за водой, — сказала Нари.

— А за чем?

— Ищу сыновей. Двое мальчиков, должны быть вместе.

— Вон двое сидят. Может...

Нари пошла, не дослушав. Один из сидевших держал над

огнём обе руки, другой поддерживал его под локоть. Когда первый обернулся, свет упал на седую бороду. Нари остановилась. Её мутило, будто она бежала сюда очень долго.

— Я же сказала: мальчиков.

— Здесь все когда-то были маленькими, — ответил мужчина.

Эйрик шагнул к нему. Тупа ухватил северянина за край одежды.

— Не спорь с ним. Он их не видел. Пока ты будешь объяснять, что он сказал не так, Нари уйдёт одна.

Нари и правда уже шла. Мужчина с чашей окликнул её и предложил хлеба. Она не обернулась. Эйрик догнал её с куском в руке.

— На.

— У меня есть.

Он посмотрел на свою руку, словно впервые заметил, что принёс, и съел хлеб сам.

У следующего огня люди сидели спиной к свету. Нари спросила почему. Одна женщина ответила, что так лучше видно, когда зовут. Другой сказал, что им так велели. Третий рассердился: никто ничего не велел, просто у него от жара болит затылок. Нари назвала имена сыновей. Их приняли за названия мест. Пришлось начинать сначала: дети. Двое. Не совсем маленькие. Похожи. Один быстрее отвечает. Женщина поднялась.

— Я одного такого видела.

Нари схватила её за запястье. Та поморщилась, и Нары сразу отпустила.

— Где? Покажите, пожалуйста.

— Там стоял. Искал старую женщину. Всё повторял: ей надо, она просила...

Женщина показывала поверх голов. Нары вглядывалась, пытаясь выбрать хоть один костёр.

— Давно? Он ещё там?

— Не знаю. Я сюда перешла.

— А какой он? Вот такой?

Нари подняла руку. Женщина покачала головой и показала выше — почти с Эйрика.

Северянин выругался. Женщина отступила и стала оправдываться: она ведь сразу сказала, что видела только одного. У Нары не было сил объяснять ей, что дело не в счёте. Она пошла дальше. В голове складывалась мысль: если спрашивать достаточно долго, совпадение обязательно найдётся. Но каждое совпадение сначала требовало поверить, а запас веры был не бесконечен.

Между кострами лежала широкая полоса без света. Из неё доносились голоса. Там тоже сидели. Кто-то лежал. Один попросил не наступать на его одежду, и Тупа остановил Эйрика за плечо. Нары спросила, почему они сидят в темноте. Снизу ответили, что здесь тоже был костёр, но дрова кончились. Она по привычке спросила, почему не принесли ещё.

Вопрос вызвал смех. Негромкий, безрадостный. Нары ста-

ло стыдно, как будто она спросила голодного, почему он не поел. Тупа присел. На земле лежал обгоревший конец поляна. Он перевернул его и подул. Ни одной красной искры.

— Рядом же горит, — сказал Эйрик.

— Рядом уже сидят.

Эйрик держался так, словно огромный рост сам по себе давал ему право на ответ. Спрашивал коротко и злился, когда переспрашивали. Нарі всякий раз приходилось начинать заново: двое мальчиков, Ик и Балам, могли прийти вместе, а могли и порознь. Тупа после первых попыток больше не вмешивался. Он замечал, где удобнее пройти, и придерживал край её одежды над острыми камнями. От этого было неловко: человек делал для неё полезное, а ей с каждым новым костром всё сильнее хотелось, чтобы хоть один из спутников сделал невозможное. Объяснить такую просьбу она не могла и поэтому злилась на то, как долго они выбирают дорогу.

Из темноты кто-то насвистывал. Мелодия всё время обрывалась на одном и том же месте. Это странно успокаивало: человек всё ещё пытался закончить вещь, от которой не было никакой пользы. Нарі предложила свой хлеб. Взяла одна женщина и поделилась с лежавшим рядом. Про мальчиков сказала, что не видела, но поищет. Нарі спросила, как она их узнает.

— Скажи, как их зовут.

Нарі назвала. Женщина повторила, не перепутав. Нарі

опустилась рядом. Эйрик стоял над ними, неловкий оттого, что не к чему приложить силу. Потом снял с плеча край своей одежды и протянул лежавшему. Тот отказался.

— У тебя самого мало.

— Хватит.

— Я сказал: не надо.

Северянин убрал руку.

— Ты тоже назови, кого ждёшь, — предложила ему Нар.

Он покачал головой.

— Жена придёт к нашему огню.

— Она знает, где он?

— Я оставил ей там место.

Женщина с хлебом хотела что-то сказать, но Эйрик уже отвернулся к темноте.

Нари всё сидела. Женщина рядом тихонько растирала хлеб между ладонями, чтобы лежащему легче было есть.

— А у вас мёртвых можно было вернуть? — спросила Нар северянина.

— Бальдра пытались.

— Это человек?

— Бог. За ним поехал Хермод. Хель обещала отпустить его, если весь мир станет его оплакивать. Люди, звери, деревья. Камни тоже.

Нари посмотрела на камень под своей ладонью.

— И что?

— Одна не захотела. Тёкк. Сидела в пещере и сказала, что

ей от него ни живого, ни мёртвого пользы не было. Он так там и остался.

— Из-за одной?

— Говорили, это Локи обернулся. Я бы её из той пещеры...

Эйрик не договорил. Лежавший заворочался и попросил приподнять ему голову. Северянин присел, но женщина показала, куда подложить руку, и пришлось сделать, как она велела.

— А если бы ты её вывел? — спросила Нарі. — Она бы заплакала?

— Заставил бы.

Женщина убрала руку из-под затылка лежавшего. Эйрик остался держать один.

Нарі хотела спросить ещё, но лежавший закашлялся, и она стала смахивать крошки с его губ. Женщина дала ему воды. Эйрик подождал, пока она подложит свёрток, и только тогда осторожно вынул ладонь.

— А если кому совсем худо станет — кого звать? — спросил он, поднимаясь.

Ему показали за тёмную полосу. Там у низкого огня стояли двое и пропускали людей между камнями. У одного на запястье был шнур с крупным узлом. Нарі подошла к нему.

— Вас Павел послал? Я ищу двух мальчиков.

— Я никого не ищу. Я пропускаю.

— Куда?

— Туда. Там принимают имена.

Эйрик шагнул вперёд, но человек со шнуром загородил проход.

— Покажите отметку.

Нари раскрыла пустые ладони.

— Сначала получите, потом приходите.

— Я ищу сыновей, — сказала она. — Мне не нужно ничего получать и занимать чужое место. Позвольте хотя бы спросить.

Сторож ответил, что здесь все кого-нибудь ищут. Это была правда, которая почему-то давала ему право не пускать никого. Тупа смотрел на проход. Сбоку можно было обойти по камням, если сидящие подвинутся.

— Я пройду, — сказала Нарі.

Сторож вытянул руку. Эйрик тут же стиснул его предплечье. Всё замерло. Женщина позади вскрикнула, хотя её никто не трогал. Второй сторож шагнул ближе. Нарі увидела, как быстро люди, только что ждавшие вместе, расступились вокруг чужих кулаков.

— Отпусти, — сказала она Эйрику.

— Он не пускает.

— Отпусти. Я сама говорю.

Северянин разжал пальцы. Человек со шнуром потёр руку и обиделся сильнее, чем если бы его ударили: теперь нечего было даже показать.

— Здесь порядок.

— Кто сказал?

Он кивнул на дальний огонь. Тупа тихо сказал:

— Тогда там и спросим.

Они обошли проход по камням, между сидящими, извиняясь и высоко поднимая ноги. Вслед им продолжали объяснять, что их не пустят, но никто не пошёл следом.

У дальнего огня женщина принимала имена. Повторяла их следующему, тот — дальше; иногда по цепочке возвращался вопрос. Двое заспорили о чьём-то имени. Женщина подняла ладонь, заставила обоих замолчать и повернулась к Нари.

— Балам и Ик, — сказала Нари. — Мои сыновья. Я не могу их найти.

— Вы их здесь видели?

— Нет.

— Значит, надо искать. Я думала, вы хотите передать им весть.

— Я хочу их найти. Я так и сказала.

Женщина не отвела глаз.

— Я поняла. Только не знаю, кому передавать. Если их ещё никто не видел, надо спросить у встречающих.

Нари разжала кулаки. На ладонях остались четыре вмятины от ногтей.

— Балам отвечает первым, — сказала она. — Почти всегда. Ик может молчать. Вы не думайте, что он не понимает.

Женщина повторила имена.

— А где эти встречающие? Я сама пойду.

— Они ходят между огнями. Постоянного места нет.

— Тогда как я...

Женщина подняла руку, останавливая новый вопрос из-за спины.

— Я узнаю, кто принимал детей. Скажи ещё раз, где тебя искать.

Нари описала их костёр: за широкой трещиной, рядом большой плоский камень, у огня сидит высокий светловолосый мужчина. Женщина попросила не уходить оттуда всем сразу. Потом повторила оба имени следующему в цепочке и добавила: мать ждёт ответа, даже если детей ещё не нашли.

Обратно Нары шла молча. Детей она не нашла. Но теперь хотя бы появился кто-то, кто будет искать её саму.

Эйрик нёс полено, подобранное у трещины. Тупа потрогал кору.

— Держи подальше от одежды. Там кто-то живёт.

— Пусть погреется, — сказал Эйрик и перехватил полено покрепче.

Нари засмеялась. Попробовала остановиться, посмотрела на Эйрика — и не смогла: он нёс полено так бережно, словно и насекомым пообещал помощь. Тупа улыбнулся. Эйрик оглядел обоих, ничего не понял и зашагал дальше.

Часть вторая

Чужие жизни

Глава 9

Хорошо устроенные похороны

Пока Нарі с двумя спутниками ходила между огнями, у их костра успел сложиться маленький домашний порядок. Состоял он главным образом из привычек Энны. Воду теперь ставили с одной стороны, ткань сушили с другой; проход оставляли там, где управителю казалось удобнее. Квинт принимал эти распоряжения с благодарностью: после долгого ожидания приятно было узнать хотя бы, где положено стоять сосуду. Поэтому и три камешка, которые Энна попросил подержать, он взял без вопросов. Вопросы появились, когда выяснилось, что он держит чью-то очередь.

Камешки в ладони были тёплые. Управитель работал тщательно: приподнял угол лоскута, вымел сор между двумя выступами, провёл пальцем по краю. С таким человеком приятно иметь дело, если никуда не торопишься. Квинт спросил, куда положить камни. Энна попросил подержать ещё немного, чтобы очередь не перепуталась. Квинт посмотрел на ладонь: камешки были одинаковые. Он помнил, что один означал Нарі, другой — женщину с корзинкой; про третий он с самого начала ничего не знал. А теперь не отличил бы и первых двух.

— Ты узнаёшь их по виду или только по месту? — спро-

сил он.

Энна объяснил, что помнит место каждого. Квинт хотел уточнить, как же сохраняется порядок, когда все три лежат у него в руке, но управитель посмотрел на него так, словно ему предложили снести хороший дом из любопытства, что станет с жильцами. Хори вытянул лоскут из-под руки управителя.

— Он у тебя всё проверит, — сказал Хори, кивнув на Квинта. — Вдруг ты под камнем деньги прячешь.

Энна попросил отпустить ткань. Египтянин возразил, что работа всё равно закончена, но управитель придержал край крепче:

— Я сам вижу, когда закончил. Подожди, ты сейчас опять всё собьёшь.

Квинт положил камешки в ряд. Энна тут же передвинул крайний. Не пересчитал, не присмотрелся — просто вернул правильное расстояние. Квинт почувствовал себя человеком, которому дали поддержать ребёнка и сразу поправили руки.

За огнём кашлянули. Там стояли двое. Один поддерживал другого под мышки; голова у второго болталась, но ногами он перебирал сам.

— Здесь можно?

Энна поднялся. Сначала предупредил, что место у Эйрика занято людьми, которые скоро вернутся. Спутник слабого оглянулся: свободный камень был прямо перед ним, а тех, кто мог бы на него сесть, нигде не было видно.

— Мы не навсегда. Ему надо немного посидеть.

Управитель подумал и показал на другой край. Мужчины обошли огонь, стараясь никого не задеть. Энна рассадил их так, что Хори пришлось подобрать ноги. Египтянин сделал это без возражений, но посмотрел на Квинта: оценил ли тот, во что обходится общее благополучие. Слабый попросил воды. Спутник сказал, что сейчас принесёт. Энна удержал его за плечо.

— Здесь есть. А ты потеряешься, пока ходишь.

Квинт подал чашу. Слабый взял её двумя руками; вода стучала о край. Хори подставил снизу ладонь.

— Не смотри на нас. Пей.

Энна устроил у ног слабого свёрнутую ткань. Взял было камешек, подумал и положил обратно: никаких просьб к Павлу у пришедших не было. Квинт спросил, не приходилось ли ему и при жизни устраивать людей. Тот охотно поправил: он управлял хозяйством. Люди были частью хозяйства, и самой хлопотной, потому что постоянно хотели изменить отведённое им место. На вопрос, велико ли было владение, Энна задумался, как показать размеры, не размахивая руками над чужой водой.

— Пройдёшь один двор — уже забываешь, за чем шёл. Поэтому новичку я никогда не давал двух поручений сразу. Сначала одно. Пусть вернётся. Пусть его увидят.

Хори фыркнул.

— А тебе дрова и воду разом носить можно было?

— Я знал, где брать.

Квинт понял, что египтянин вспоминает женщину с корзинкой. Сам он о ней почти забыл, и было неприятно, что вспомнил не он. Поэтому спросил:

— У тебя все так жили?

— Не все. Приходили. Уходили. Но я знал, кому где спать.

Энна разговорился. Зимой лежанки полагалось переносить; летом теснота становилась невыносимой, если дать людям устраиваться самим. Он рассказывал без важности: как отводил старикам угол подальше от ворот, как договаривался с кухней, чтобы одному размачивали хлеб, а другому не клали того, от чего у него шёл зуд. Благодарили его не всегда. Однажды женщина заявила, что терпеть не может другую работницу и есть рядом с ней не станет. Энна нашёл ей отдельное место.

— Лучше дать одной помолчать, чем каждый вечер слушать обеих.

— Ты за это брал? — спросил Хори.

— Это была моя работа.

— Вон и Квинт бесплатно проверяет, откуда ты хлеб получал.

Квинт улыбнулся, чтобы не тратить разговор на обиду, и спросил, чем занималась женщина, которой нашлось отдельное место. Выяснилось — музыкой: играла на струнном инструменте. У Энны изменились руки. До сих пор он показывал, где проходили стены, а теперь осторожно развёл пальцы,

будто инструмент лежал у него на коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.